

его, кормил, гулял с ним. Старший брат был для Саши образцом, идеалом. Но потом Василий женился и стал жить отдельно. Сейчас мне хотелось бы, чтобы они были более близки друг другу, думаю, спустя какое-то время так и произойдет...

— *Сыновья чем занимаются?*

— Саша в 14 лет экстерном окончил школу, сейчас учится на четвертом курсе Университета Натальи Нестеровой на факультете кино и телевидения по специальности кинорежиссура. Месяц назад начал работать помощником режиссера на «Мосфильме», в связи с этим безумно счастлив и горд. Первую зарплату принес, подарок мне трогательный подарил... А Василий, когда у него появилась семья, ребенок, для заработка пошел трудиться в метрополитен, еще где-то подрабатывал. Сейчас работает лаборантом в мастерской дизайнера и сценографии Института современного искусства, в котором он и учился. Наверное, это неплохо, но мне кажется, что как творческий человек он недоразвился, недоразвился. У него очень большой потенциал, замечательный вкус, да он просто очень талантливый художник. Но, видимо, какая-то закомплексованность и неуверенность в себе — черты характера, унаследованные и от меня, и от Володи, — не позволяют ему собраться и поставить цель — раскрыть свои творческие возможности.

— *Вы пытались как-то оградить сыновей от всякого рода дурных влияний?*

— Профессия наша такова, что дети все-таки оказываются обделены родительским вниманием. Все эти разъезды, метания, воспитание между спектаклями и съемками, между утренними репетициями и вечерними... Прибегаешь домой — успеть бы приготовить, покормить, обнять, поцеловать, дать какие-то указания... И все урывками. Я считаю, что мне не хватило ни вре-

мени, ни сил на то, чтобы вложить в детей все, что хотелось бы. Конечно, я старалась уберечь их от всего дурного, но уверена, что есть вещи, на которые родители не могут повлиять. Думаю, самое большее, что я могу сделать, это молиться о детях... Когда-то я жила в коммунальной квартире на Суворовском бульваре. У меня была соседка Любовь Моисеевна Мительман, врач-эпидемиолог. Я очень многому научилась у нее, наблюдая на коммунальной кухне, как она печет пироги, как готовит супы, рыбу. И вот как-то, когда я прикрикнула на маленького Василия, она мне сказала: «Наташа, знаете почему еврейские дети в большинстве талантливые и реализованные? Потому что еврейская мама говорит своему ребенку: «Ты самый умный, самый талантливый, самый красивый, ты все можешь». А русская мама нашлапает и скажет: «Ты дурак, идиот, бестолочь, откуда только руки у тебя растут». Так нельзя». Я запомнила это на всю жизнь и всегда старалась следовать этому совету...

— *Свою личную жизнь вы больше не пытались устроить?*

— Несколько лет назад я еще раз вышла замуж, и тоже за Владимира. Только он по профессии не актер, а строитель. Мы венчались, но... опять же не очень долго прожили вместе. Мне представляется, что, если мужчина любит женщину, он любит и ее детей. Но у мужа с детьми не сложились отношения. Особенно с младшим, старший-то живет отдельно от нас. И Владимир поставил меня перед выбором: либо я надеваю «смирительную рубашку» на сына, либо мы расстаемся. Но я не считаю, что Сашу нужно как-то усмирять. Да, он сложный мальчик, но очень творческий, интересный, разносторонний... А творческих людей смирить невозможно, да и не нужно, по-моему. Но поскольку муж совер-

шенно из другой среды, он, как человек более прагматичный и практичный, этого не понимает и не принимает. Но я очень за многое благодарна Владимиру. Ведь наш брак пришелся на тяжелейший период моей жизни — болезнь папы. И Володя так ухаживал за ним, как мог бы ухаживать только за родным отцом — носил его в ванну каждый день, делал уколы, передевал... Одна я, конечно, не справилась бы. Господь послал мне Володю в помощь. Жаль, что дальше наша общая жизнь не сложилась.

— *Наталья Владимировна, а кто опекает ваших 12 кошек?*

— Мы с Сашей и опекаем. У нас всегда в доме жили собаки, кошки — мама их с улицы приносила. Но при всей ее любви к животным то их количество, которое образовалось у меня, поначалу ее очень шокировало. Она говорила: «Я вообще кошек люблю, но... одну. А столько — это ужасно». У меня их тогда было шестнадцать. Но со временем мама смирилась, полюбила их всех. Однажды говорит: «Знаешь, они все-таки гениальные животные. У меня заболело сердце, и я прилегла. Так они все(!) пришли и улеглись рядом с больным местом. А когда отпустило, разошлись». Я думаю, мне обязательно нужно написать книгу о моих кошках, потому что я наблюдала совершенно потрясающие ситуации. Ну, к примеру, как летом на даче Стипендия принимала роды у Варвары — своей собственной мамы. Та кричала, а она вылизывала ей голову. Когда начались схватки, Стипендия своей задней лапой стала давить на живот роженице — помогала. Я смотрела как зачарованная... Все кошки принимают роды друг у друга. Они рожают в разных коробках, которые я им для этой цели готовлю. А потом всех котят стаскивают в одну коробку и садятся сверху. Я говорю: «Вы же раздавите малышей». Нет, не давят. Они

там сидят и греют всех вместе, а кормят по очереди. Видимо, которая сильнее, у кого больше молока, та и кормит. Совершенно удивительная взаимоподдержка.

— *Людям бы такую...*

— Да, не мешало бы. Кстати, знаете, где это есть? В цирке. А вот о театре я этого не сказала бы. Помню, после театрального училища пришла в Театр Станиславского — с цирковой закалкой, с верой в то, что существует чувство локтя. Ввелась в спектакль и в первый же выход на сцену забыла текст. Поворачиваюсь в кулисы и вижу торжествующие глаза коллег. Я поняла, что здесь никакого чувства локтя не будет, а будет нормальная театральная интрижная атмосфера. Так и вышло. Десять лет я там проработала, у меня было 13 главных ролей в репертуаре, до двадцати спектаклей в месяц, и в течение всего времени я наблюдала, что гораздо меньше сил у коллектива уходило на творчество, чем на интриги, все время кто-то кого-то ел. За время моей работы там сменилось четыре главных режиссера. Стало очевидно, что для меня там все исчерпано. И я ушла в никуда. Некоторое время была свободным художником, болтавшимся между небом и землей, а потом пошла в штат Киностудии имени Горького.

— *Вы считаете удачной свою жизнь, состоявшейся?*

— Нет, конечно... Идеал благополучия я нарисовала себе еще в детстве: три ребенка, любящий муж-защитник и любящая жена, которая поддерживает домашний очаг: готовит, убирает, стирает, гладит, вяжет.

— *И вы были готовы пожертвовать всем остальным?*

— А зачем жертвовать-то, я не понимаю?! Я всем этим занималась всю жизнь, только без защитника. Да при этом еще три образования получила. И никаких домработниц у меня не было. Просто у кого-то